

Л.А. Кокумбаева

Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики

В современном мире наряду с процессами глобализации, ростом проницаемости государственных границ, повышением экономической и культурной однородности мира идут параллельные и противоположно направленные процессы обострения национальных чувств и роста фундаментализма, а с ними возрастает значение категории национальной идентичности. Понятие «национальная идентичность» можно отнести к числу универсальных констант современного гуманитарного знания, актуального в политологии, социологии, культурологии, истории, этнологической и искусствоведческой научных областях/сферах. Происходящие идентификационные процессы современный исследователь Г.В. Малинин определяет как «ситуацию утраты и поиска идентификационных стратегий и ценностных оснований» [1]. Анализируя сущность и ресурсный потенциал идентификационных процессов, автор характеризует определения «идентификация», «идентичность» как «понятия, отражающие важные аспекты жизнедеятельности человека как социального субъекта» [1, с. 41]. В понятие идентичности, по словам О.М. Зотовой, входит «общая память о прошлом, сознание преемственности, общей судьбы данного единства и его культуры, а также субъективное восприятие и понимание общего прошлого каждым поколением – этноистория этого коллектива...» [2, с. 156]. Обобщая приведенные определения, можно сказать, что понятие «идентичность» является некой универсальной константой человеческой цивилизации. Историография идентичности восходит к XII–XVIII вв., когда в ходу были понятия «национальный дух», «гений нации» и «национальный характер», которые использовали Шефтсбери, Руссо, Кант. Начиная с XX столетия, понятие «национальная идентичность» становится самым распространенным термином, находящимся на острие общественно-гуманитарной мысли.

Основным объектом национальной идентификации является этничность. Это связано с тем, что этнос есть устойчивая совокупность людей, формирующаяся естественным образом в процессе этногенеза, т.е. при становлении этнической общности и ее самоназвании. Национальная идентичность, будучи более поздним историческим образованием, представляет собой дальнейшую эволюцию процесса этнизации. При этом национальная идентичность выполняет социально-политическую функцию, в основе кото-

рой – объединяющее этносы начало, связанное с достижением общей цели.

Этничность и национальная идентичность выступают, таким образом, гранями научно-исследовательской программы, определяемой как «самосознание народа, концентрированное выражение истории и культуры, психологическое восприятие исторического процесса и духовного развития, всех продуктов коллективного сознательного творчества» [3]. В этом аспекте дефиниция «этничность» предшествует более позднему историческому образованию «национальная идентичность» и составляет «твердое», или «жесткое», ядро – основную теорию, главную общепринятую концепцию. «Национальная идентичность» в таком случае представляет собой «защитный пояс» – вторичную теоретизацию, вытекающую из главной и базирующуюся на ее основе [4].

Как более позднее историческое образование, понятие национальной идентичности обладает многогранным значением с разнообразными горизонтальными и вертикальными связями. При этом этничность как внутренний стержень своего более цивилизованного (в историческом разрезе) определения становится одной из существенных переменных современного общества и контрастирует с теоретическими представлениями о современности, описываемой в универсалистских, глобалистских категориях.

К настоящему времени в общественно-гуманитарной мысли (этнологии, политологии, культурологии, социологии, философии) в понимании этнического сформировались три основных теоретических направления:

1. Примордиализм (понимаемый в самом широком значении как «обращение к корням») – это «...дополнительный (внеполитический) национализм, когда подчеркивается родовая идентичность на основе этнокультурных признаков» [5, с. 58]. Этнокультурная идентичность оказывается одной из немногих значимых социальных идентичностей, выполняющих адаптивную функцию. Возникающая ситуация воспринимается наблюдателями как «процесс национального возрождения», а самими действующими – как «приобщение к корням», обращение к естественным, никогда не подводившим группам «своих». «При этом наблюдается усиление значимости национальной идентичности перед иными солидарностями, происходит процесс этнизации социального пространства» [5, с. 59].

2. Инструментальный дискурс понимания этничности выражается в признании и институциональном представительстве какого-либо этнического сообщества в средствах массовой информации, органах образования, структурах власти.

3. В рамках конструктивизма этничность понимается не как некоторая данность, но как результат созидания, как инновационный акт творческого воображения. Самосознание понимается не как «фиксированная суть», а как «стратегическое самоутверждение» [6, с. 117]. Здесь этническая группа выступает в виде субэтноса, т.е. региональной части какого-либо этноса, не вполне слившейся с ним и имеющей особенности разговорного языка (диалект), культуры и быта, а также особое самосознание. В другом случае этнической группой называют небольшую часть определенного этноса, территориально определяющуюся в результате миграции (немцы в Казахстане, поляки в Литве), но сохранившую прежнее этническое самосознание, язык, особенности культуры и быта.

Эквивалентность понятий «этничность» и «национальная идентичность» прослеживается в тождестве терминологического аппарата. И речь идет не только о случайном совпадении определений. Принятые в научном сообществе и средствах массовой информации (СМИ) инструментальная, существенная и плюралистическая модели национальной идентичности содержательно близки с примордиальной, инструментальной и конструктивной теориями этнического.

В *инструментальном* типе национальная идентичность определяется как «собрание мифов, идей и повествований, используемых господствующей группой или коалицией для удержания власти в обществе» [7].

Существенный тип национальной идентичности – это романтический взгляд, основанный на убеждении в том, что «американскость, немецкость, русскость» представляют собой довольно глубоко укоренившиеся национальные идентичности, каждая из которых имеет свою уникальную историческую сущность. Иными словами, речь идет о «примордиальной» социокультурной нише. На основе подобной этноидентичности формируются такие символические формы, как «флаги, архитектура, произведения искусства и высоко ценящая и оберегаемая история». Хранилищами примордиальной этничности, или, что то же самое, существенного типа национальной идентичности, являются «общественные школы, университеты, церковь и вещательные организации. Многие полагают, что, если правительство поддерживает эти символы и укрепляет стоящие за ними идеи, оно делает это независимо от узкой политической целесообразности» [7].

Плюралистический тип национальной идентичности (иначе – конструктивная модель этничности) все более приобретает актуальность на государственном

уровне, что нашло отражение в законодательстве многих европейских государств и новых переходных обществ. Государства, принявшие подобную этнонациональную модель, ставят своей целью защиту различных этнических и религиозных групп, часто посредством наложения прямых юридических обязательств. Например, Ирландская Республика требует от своей системы общественного вещания быть чуткой к интересам всего общества, помнить о необходимости взаимопонимания и мира на всем острове Ирландия, обеспечивать в своих программах отражение разнообразных элементов, составляющих культуру своего народа. Вместе с тем государство призывает уделять особое внимание государственному, т.е. ирландскому языку. Перед шведским телевидением по соглашению между правительством и основной национальной вещательной службой ставится задача обращать особое внимание на этнические меньшинства, разумно удовлетворять «различные потребности и интересы населения, касающиеся качества, доступности и разнообразия» [7].

Таким образом, национальную идентичность возможно определить как символическую конструкцию, комплекс символов, совокупность которых порождает особого рода ощущения принадлежности к общности. Ее значимость определяется осуществлением адаптивной функции. На наш взгляд, понятия «этническое» и «национальная идентичность» имеют преемственную историко-генетическую связь. Оба определения актуальны в современной действительности не только в сфере социально-гуманитарных наук, но и в жизненной практике. Следовательно, их значимость имеет эмпирическую нагруженность, актуализируя изучение вышеприведенных моделей как теоретических модификаций единой научно-исследовательской программы, востребованной в современном мире.

Историко-генетическая эквивалентность понятий «этничность» и «национальная идентичность» нашла отражение в научной литературе, в частности в модели этнонационального типа К. Хюбнера, которая содержит весьма интересные постулаты – основания. Одна из них – концепция синхронной и диахронной идентичностей, которые характеризуют, по его мнению, идентичность нации как антропологический постулат. Определяя нацию как системное целое, исследователь выделяет такие его составляющие, как ценности, нравы, культуру, язык, политические идеи и цели. Формирование этнонациональной идентичности обуславливается также определенной географией, климатом и обнаруживает себя в материальной культуре [8, с. 293]. Подчеркивая, что такие системы составляют сложные иерархии, Хюбнер приходит к постулированию вывода о том, что идентичность нации в определенный момент времени характеризуется структурированным множеством систем.

В этом, по авторской версии, состоит ее синхронная идентичность.

Диахронную идентичность К. Хюбнер рассматривает как один из важнейших компонентов динамики нации как системного множества, которое является само по себе несогласованным и нестабильным, вследствие чего приводит к трансформации множества национальных систем. Попытки преодоления несогласованностей внутри национального системного множества осуществляются на основе приспособления одной его части к некоторой другой. При этом не играет никакой роли, если этому предшествует влияние чуждого национального системного множества, поскольку новый или неизвестный факт истолковывается и перерабатывается внутри национальной системы отчета; процесс национального изменения систем не является детерминированным; недетерминированность динамики национального множества систем истолковывается как национальная судьба.

Отстаивая правомерность дефиниции «судьба», К. Хюбнер приводит примеры из сферы исторического (судьбоносное событие, судьбоносная битва, судьбоносный выбор и т.п.). Судьба гарантирует смысл, поскольку она может быть упорядочена в рамках смысловой связи жизни (предлагает утешение, надежду, силу даже в глубочайшем страдании). Следовательно, вера в судьбу есть практический постулат, «служащая жизни и покоящаяся на глубочайшем основании вера в осмысленный мир, который не брошен на произвол слепой игры случая» [8, с. 315–319].

Хюбнер рассматривает пять типов национальной идентичности. Первый тип характеризуется становлением подлинной формы национальной сущности (скажем, немецкой сущности). Определенную роль здесь играют национальная поэзия, народные песни, баллады и т.п. Второй тип опирается на гипотезу национального прамифа, из которого выводится духовная эволюция некоторой нации. Ключевую роль здесь играют мифология, предания, эпическое наследие нации. Как и объекты исторического, филологического, культуроведческого исследования, национальное духовное достояние становится элементом научного обсуждения некоторой идеи, заключенной в прамифе и принимающей «особый облик внутри определенного национального мира» [8, с. 323]. Особенность третьего типа состоит в понимании того, что национальная сущность проявляет свойства энтелехии: некой выраженной формы, которая развивается и живет. В этом случае доминирующими метафорами, организующими национально-идентификационные процессы, могут служить, например, понятия «дух отцов», «родовой характер народа», «внутренний принцип нации». Представители четвертого типа идентичности (А. Мюллер, Л. Ранке и Ф. Савиньи) полагали, что сущность нации не выразима в понятии, а потому нация может быть представлена лишь

как некая «идея». Л. Ранке пользовался термином «национальный гений», подчеркивая значение таких феноменов, объединяющих нацию, как «Отечество», «дело нации» и т.д. Савиньи придал понятиям, которыми он оперировал в объяснении данного вопроса, правовое значение: народ у него выступает как особая индивидуальность, «чья правовая идея проистекает из его внутреннего единства», а право предстает как явление «духа нации», сохраняющее в себе посредством последнего связь поколений [8, с. 326–327]. Предметом научного анализа в пятом типе становится язык. Представители данного направления полагают, что в устном языке и поэзии сокрыты не просто какие-то «когнитивные свойства» человека, но его «неделимые силы». Будучи солидарен с предшественниками, К. Хюбнер предлагает свое определение языка как медиума, в котором «движется всякий национальный дух. Поэтому он является его необходимым условием» [8, с. 341].

Таким образом, можно утверждать, что западная традиция в вопросе о национальной идентичности придерживалась стремления отыскать некий органический принцип бытия в поле этносоциальных идентификаций. С теоретико-методологической и практической точек зрения важно при этом понимать и помнить, что все, выражаемое в понятиях «дух нации», «внутренний принцип нации», «народный дух», «идея нации» и тому подобных, есть идеальная типологизация. Метафорически она выражает пусть и реальные, но достаточно трудно уловимые на уровне строгой научной закономерности феномены.

Анализ работы К. Хюбнера [8] дает возможность представить и понять круг сложных, пересекающихся вопросов и аспектов, входящих в сферу проблемы становления гражданской общности в современном мире. Современные исследователи творчески обогащают выдвинутые им положения. Г. Абдукаликова считает, что синхронная и диахронная составляющие хюбнеровской концепции являются реальным фоном, действительной средой формирования, распространения, развития форм проявления и способов идентификационных процессов. Развивая концепцию К. Хюбнера, она вводит определение асимметрической синхронности (АС) и асимметрической диахронности (АД). АС понимается автором «как эмпирически наблюдаемая в действительности неравномерность, «не сразу и не всеми осуществляемая», неравнозначная в данном конкретном временном интервале идентификация конкретных субъектов – носителей этносоциальной идентичности и целостности. Эта асимметричность наблюдается, например, в условиях «подъема духа нации» и сходных явлениях этносоциальной жизни. Так, естественные элементы как синхронных, так и диахронных аспектов идентичности составляют такие моменты, которые являются неотъемлемой частью

идентификационных процессов и материализуются, скажем, в образах выдающихся личностей: например, ассоциативные связи борющихся за единение французской нации людей с образом Жанны д'Арк, или немцев – с образом Бисмарка.

АД проявляется, например, в том, что в системе исторических процессов, характеризующих идентификацию, особое место принадлежит прошлому и настоящему. Они задают особое «поле измерения» диахронности, в котором особенно значимую роль играет восприятие и переживание прошлого, элементы которого переносятся и трансформируются в настоящем, становясь факторами развития данной этнической общности, группы к ее будущему (например, победы в битвах за национальную независимость; образы выдающихся деятелей, принимающих ответственные решения, которые по аналогии воспроизводятся историками и теоретиками; места национальной памяти и т.д.) [9, с. 68].

Модель этнонациональной идентичности К. Хюбнера, с одной стороны, обладает фундаментальностью, с другой стороны, выражает генетические особенности процесса идентификации. Она органично вписывается в научно-исследовательскую программу современности, определяемую как примордиальная (если исходить из теории этничности) либо существенная парадигма (если использовать определение национальной идентичности).

Примером модели инструментального типа национальной идентичности, выражающей общественно-историческое сознание так называемого советского народа второй половины XX в., является понятие «советская идентичность». Историография советской идентичности обстоятельно анализируется в книге Л. Гудкова [10], где автор предпринимает попытку мониторинга этнического самосознания в России на основании социологических данных. Сегодняшняя идентификация, по его словам, имеет этническую характеристику (терпение, духовность, умение довольствоваться малым и т.п.). «Один ее план составляют представления и ценности предшествующей советской эпохи (великодержавный, героический, мобилизующий национализм), а другой – аморфные и нерационализируемые ценности и представления о «нормальной», спокойной и защищенной в правовом отношении жизни, выступавшие смутным прототипом чего-то вроде гражданского общества» [10]. Историография советской (русско-советской, по определению Л. Гудкова) идентичности рассматривается двухаспектно: 1) «самиздат», репродуцировавший арсенал дореволюционной и эмиграционной публицистики, философской и религиозной эссеистики по вопросам русской национальной идеологии; 2) институционализируемая официальная академическая наука в России (философия, этнография, социология, историография, литературоведение), являющаяся

функциональной подсистемой страны. С точки зрения автора, к моменту краха коммунистического режима у исследователей в России фактически не оказалось никаких специализированных теоретических или методологических разработок по данным проблемам. Источниковую базу по проблеме национальной идентификации составляют труды философов и идеологов (славянофилов А. Хомякова, К. Аксакова, Ю. Самарина, И. Киреевского или Н. Бердяева, В. Эрн, И. Ильина, С. Булгакова и др.), а также разрозненные данные различных социологических опросов, профессиональная корректность которых часто вызывает сомнения [10].

Таким образом, термин «национальная идентичность» является универсальным определением, позволяющим выявить магистральный путь исторического бытия. Ведущую роль в его изучении занимают исследования исторического плана, так как бытие любой нации «совершается на поле истории, что обуславливает выбор тех или иных научных стратегий, обогащающих и углубляющих понимание жизненной действительности». Специфика понятия «национальная идентичность» выступает объяснительным принципом всего корпуса гуманитаристики: исторической науки и этнологического цикла, социологии и политологии, культуроведческих исследований и философии. На наш взгляд, именно потому сегодня актуальна полидисциплинарная технология томской школы, базирующаяся на принципе комплементарности концепций и методов, позволяющей избежать неизбежного дублирования и громоздкости определений [11].

В становлении и развитии историографии национальной идентичности можно выделить следующие периоды: 1) этнонациональная идентичность, которую возможно определить как первую форму самоопределения того или иного сообщества; 2) советская идентичность, имевшая место на евразийском пространстве в XX столетии; 3) неэтнонациональная идентичность – современный этап, характеризующийся ренессансом примордиального типа. Наиболее разработана теория историографии этнонациональной идентичности. Историография советской идентичности довольно внушительна, однако время взвешенных научных оценок, видимо, еще впереди. Третий тип – постнациональная идентичность, который определяется как плюралистический, конструктивный, – еще на стадии научного изучения. Полагаем правомерным охарактеризовать его как интерактивный/диалогический, или, вернее, полилогический. Представляется, что подобное определение позитивно толерантной направленностью, конструктивным характером. Можно с уверенностью констатировать, что определение «национальная идентичность» сегодня на пике своей популярности и, судя по современной социально-культурной ситуации, в ближайшем обозримом будущем не утратит своей жизнеспособности.

Библиографический список

1. Малинин, Г.В. Идентификационные процессы или самоопределение (социологический анализ) / Г.В. Малинин // Адам элеме – Мир человека. – 1999. – №1.
2. Зотова, О.М. Идея европейского единства и национальная идентичность / О.М. Зотова // Вестник МУ. Серия социологии и политологии. 1999. – №3.
3. Тараков, А. Казахстан – пример содружества конфессий и этносов / А. Тараков // Казахстанская правда. – 2003. – 8 февр.
4. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. – М., 1978.
5. Бухаева, А. О концепциях национальной идентичности / А. Бухаева // Адам элеме – Мир человека. – 2005. – №3.
6. Янг, К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / К. Янг // Этничность и власть в полиэтничных государствах : матер. междунар. конф. – М., 1994.
7. Прайс Монро. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. – М., 2000. – Глава 3: Национальная и постнациональная идентичность [Электронный ресурс] <http://www.MEDIALAW.ru/publications/books/mp/3.html>
8. Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М., 2001.
9. Абдукаликова, Г. Концепция этнонациональной идентичности К. Хюбнера / Г. Абдукаликова // Адам элеме – Мир человека. – 2005. – №3.
10. Гудков, Л. Структура и характер национальной идентичности в России / Л. Гудков // Геополитическое положение России. – М., 1999.
11. Могильницкий, Б.Г. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Б.Г. Могильницкий ; под ред. Л.П. Репиной, Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М., 2004.